

АЛЕКСАНДР СЕКАЦКИЙ

ОНТОЛОГИЯ ЛЖИ

Александр Секацкий

Онтология лжи

«ИП Князев»

2017

УДК 111
ББК 87.21

Секацкий А. К.

Онтология лжи / А. К. Секацкий — «ИП Князев», 2017

В этой книге ложь трактуется как манифестация человеческой природы, как устойчивый фон работающего сознания; способность генерировать ложь и неразрушаемость ложью фигурируют в ней как родовые признаки сознания «сапиентного» типа; а путь Лжеца, фальсификатора Природы, предстает как путь человеческого бытия-к-могуществу. Для философов.

УДК 111
ББК 87.21

© Секацкий А. К., 2017
© ИП Князев, 2017

Содержание

Предуведомление	5
Введение	6
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Секацкий

Онтология лжи

Предуведомление

Эта небольшая книга была написана около двадцати лет назад по мотивам одноименной кандидатской диссертации. После того как издательство предложило переиздать её, поскольку весь тираж давно разошёлся, я просмотрел текст и понял, что многие тезисы и положения книги требуют дальнейшего развития. Но это будет уже другая работа. Для настоящего издания я ограничился минимальной правкой и устранил несколько вкравшихся ошибок.

Александр Секацкий

Введение

В европейской философской традиции вопрос об истине (об истинном познании, о жизненной истине и т. д.) всегда был одним из решающих; в то же время ложь достаточно редко становилась предметом специального интереса; ложь принято скорее обличать, чем исследовать. В сущности, тотального исследования лжи во всем многообразии её модусов ещё не было предпринято: затрагивались в основном этические и логические аспекты лжи.

Целью данной работы является отслеживание форм присутствия лжи в мире, выявление места лжи в структуре сущего – её онтологии, а также той меры, в которой ложь может быть устранена из теоретического и практического разума, из сферы человеческого вообще. Поэтому предметом работы является не ложное или лгущее сознание, а сознание, способное ко лжи, или Л-сознание, «это сознание» – «разумность человеческого типа». Первое, с чем мы сталкиваемся, обращаясь к философскому дискурсу истины, состоит в простом факте – истина не дана сразу. В неустранимой двойственности человеческого познания истинное познание требует некоторых усилий, выполнения специальной процедуры. Характер процедуры, которую требуется выполнить для получения истины, может быть различным: всматривание-воспоминание (Платон), доказательство (Аристотель), приведение к ясности и отчётливости (Декарт). Условием получения истины может оказаться не только гносеологическая процедура, но и, например, аскетическая (преобразование себя, выход из обычного «повседневного» состояния). Однако в любом случае истину приходится искать, до неё нужно докапываться. По мнению Платона, истина имеет особую топику – она пребывает в сфере идей (эйдосов) и непосредственно невидима; её можно усмотреть лишь особым внутренним зрением, способным проникнуть в пределы сокрытого. Понимание истины как чего-то противоположного видимому является преобладающим и в дальнейшей философской традиции. Но если «сущность» противопоставляется «видимости» (или «кажимости», «явлению»), то свойство «быть невидимым» оказывается моментом собственного определения сущности. Согласно Гегелю, сущность просвечивает через собственную видимость, но, помимо этого, сущность явлена и в *иновидимости*, и как раз иновидимость покрывает сущность неким покровом, многоцветьем наличного бытия, в котором собственное свечение сущности (истина) едва различимо.

Принципиальное разделение мира на «явленное» и «скрытое» приходится отнести к условиям возможности самого сознания; точнее – к идеологической раскладке «этого сознания». Именно так *de facto* поступает Кант, помещая мир вещей самих по себе (ноуменов) по ту сторону видимого; однако необходимость невидимого горизонта (в чем-то тождественного сфере эйдосов Платона) не вызывала у Канта сомнений. Основное возражение, выдвигаемое Гегелем, о том, что сфера сущностей, вещей в себе, становится излишней, коль скоро никак не сказывается в дальнейшем, разумеется, приходила в голову Канту, однако он не дал эксплицитного ответа на легко предвидимое возражение. Ответ, с известными вариациями, был дан Гегелем и Гуссерлем. Он вкратце сводится к следующему: для того чтобы нечто стало видимым, его требуется не только высвечивать, но и оттенять; речь может идти о негативном условии возможности сознания, о непрозрачном, скрытом горизонте (если оставаться в пределах паноптической метафоры).

Любопытно, что Хайдеггер, пытаясь избежать отождествления истины и невидимости, принципиально определяет истину как «не-сокрытость» («алетейя»). Но, во-первых, эта несокрытость погружена в забвение бытия, а, во-вторых, потаённость и спрятанность – вовсе не единственный способ сокрытия.

Стекло скрыто, невидимо, поскольку оно прозрачно, так как смотрят сквозь него. Самое прозрачное и ясное стекло лучше всего и сокрыто. Ещё более оно сокрыто, если про-

исходящее за ним открывает жизненно важный вид и сразу приковывает внимание. Отнесём стекло к «поверхностям-1» и отметим: сознание устроено так, что «поверхности-1», или «первые поверхности», для него невидимы, ибо прозрачны.

Есть и другой род невидимых поверхностей, которые мы назовем «поверхности-2», или «вторые поверхности». Они, напротив, отражают все лучи (зеркальный эффект), и благодаря их возвратному потоку (рефлексии) виден человек глядящий в них. Сознание устроено так, что «вторые поверхности» для него так же невидимы, и лишь эта двойная невидимость задает онтологическое место субъекта (или, словами Канта, отвечает на вопрос: «как возможен субъект?»). Продолжая оптическую аналогию, выделим «поверхности-3», или «третьи поверхности», образуемые из разных степеней оплотненности и прозрачности, где можно «рассчитать процент» присутствия субъекта и объекта, а также топику такого присутствия. Это – существа, предметы, эталоны, замыслы, идеи, химеры – они и составляют содержание познания по преимуществу.

Наконец (отнюдь не для исчерпания всех возможных случаев), выделим класс «поверхностей-4», или «четвертых поверхностей», – «черных ящиков», ничего не пропускающих и ничего не отражающих. С точки зрения оптики они неотличимы от «поверхностей-1» (в обоих случаях световой луч не способен принести никакой информации), но тут аналогия с оптикой и кончается. Сознание устроено так, что «поверхности-4» для него *видимы*. В философии зафиксировано множество описаний «четвертых поверхностей», и спор шёл главным образом об их статусе. Среди самых важных результатов можно отметить Кантову «вещь в себе». Она непознаваема (что верно для «аналитической оптики»), но она ведь выявлена, и даже задано её место во взаимодействии сознания и мира. «Поверхности-4», или «вещи в себе», должны иметь определенные различия между собой, хотя бы различия в локализации, неотожждественности координат в топике сознания.

Такое разграничение классов «поверхностей», или «зон явленности», всякого возможного содержания назовем видеологическим устройством разума. И сразу же возникает вопрос: не может ли оказаться так, что невидимость некоторых вещей выступает в качестве конструктивной иллюзии, только более фундаментальной, чем та, что лежит в основе возможного восприятия? Так что нечто само по себе ложное (иллюзорное) служит необходимым условием работы сознания, без выполнения которого нет ни самого сознания, ни такого состояния сознания, как «истина»?

Чем является ложь до того, как обретает функцию «быть противоположностью истины»? Чтобы отыскать источник лжи, надо зафиксировать его как точку сводимости всех вытекающих из него потоков.

В книге «Психология интеллекта» швейцарский психолог Пиаже, рассматривая процесс формирования восприятия, обращается к перцептивным иллюзиям, составляющим довольно многочисленную группу: кажущееся неравенство равных отрезков, неравенство равных интервалов времени в зависимости от их наполненности, иллюзия веса, когда большая бумажная коробка с металлическим шариком внутри кажется легче, чем такой же шарик без коробки и др. Как бы между прочим, в ходе рассуждений Пиаже констатирует: «Иллюзия веса, отсутствующая у дефективных, возникает к концу детства, в дальнейшем несколько уменьшается. Известно, однако, что именно эта иллюзия содержит в себе предвосхищение веса и объёма, и ясно, что она... должна естественно усиливаться вместе с интеллектуальной эволюцией».¹

В этой констатации содержится воистину поразительный факт, странным образом ускользнувший от внимания швейцарского психолога: иллюзия... отсутствует у дефективных... иллюзия, которая есть ошибка (в данном случае погрешность восприятия), выступает

¹ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 137.

показателем нормы в развитии сенсомоторного интеллекта, тогда как отсутствие ошибки означает не что иное, как очевидную патологию, неспособность.

Современная дефектология, не вдаваясь в «метафизические обоснования», пришла к надёжному эмпирическому критерию олигофрении: при отсутствии явных признаков самым валидным показателем дебильности оказывается отсутствие перцептивных иллюзий, чётко фиксируемое в тестах.

Стало быть, вот факт, над которым стоит подумать. Полагаясь на некую предварительную интуицию, можно даже сопоставить данный факт с каким-либо решающим экспериментом (типа опыта А. А. Майкельсона – Э. У. Морли, доказывающего не согласуемую с другими явлениями электродинамики движущихся сред независимость скорости света от движения Земли), который делает зримым до очевидности проблемное поле, где собрана критическая масса цепной реакции переосмысления.

Погрешность, лежащая в основе разумности... Но прежде, чем продолжить рассмотрение, сформулируем, что, собственно, нам хотелось бы знать? Ясно, что хотелось бы знать причину или, лучше пока сказать, тайну этого загадочного обстоятельства. Хотя прежде всего напрашивается вопрос, нет ли в других психических процессах – в интеллекте, в воображении – чего-либо подобного? Каких-нибудь помрачений, гарантирующих ясный свет разума? Словом, таких интеллектуальных иллюзий, о которых мы вправе бы были написать, что их отсутствие с несомненностью свидетельствует о той или иной патологии сознания скажем, об отсутствии «способности суждения».

И стоит лишь задаться таким вопросом, выбрать подходящий угол зрения, чтобы обнаружить наличие «конструктивных иллюзий» на всём протяжении сознания.

Платон, исследуя умопостигаемые основания сущего, обратил внимание на «увлекающую силу речи» и на своеобразную беспомощность перед такой силой, особенно если та находится в умелых руках («...ты сознательно ли соглашаешься... или же тебя, по обыкновению, увлекла к поспешному соглашению некая сила речи?» – Платон. Софист, 236d). В непревзойденных образцах диалектики, в диалогах «Софист» и «Парменид», вопрос о Едином, о Бытии и Небытии пересекается у Платона с проблемой лжи и проблемой софиста, т. е. *лгущего*, причём пересекается с необходимостью, поскольку одно без другого, как выяснилось, неразрешимо.

Обратим внимание на некое предельное содержание главного софистического тезиса, как оно дано сознанию. Что можно извлечь из утверждения «небытия нет»? Ну, например, ложность этого утверждения. В самом деле, нельзя ведь сказать, что это (небытие) – «несуществующие вещи»: получится, что мы приписываем небытию множественность, даём несуществующему какую-то содержательную характеристику сущего – число. По той же причине ложно утверждение о единственном числе небытия. Ложно всякое утверждение о небытии вида «небытие есть то-то и то-то», поскольку его можно сократить, привести к формуле «небытие есть...» (согласно Аристотелю, ложным будет утверждение «кентавр есть выдумка» – ведь и здесь несуществующему (кентавру) приписывается некое бытие, пусть даже «быть выдуманным»).

Возьмем фрагмент из Платонова «Парменида», где речь идёт о бытии и едином. Словно в авантюристическом романе, Парменид рассматривает одно за другим все приключения единого. Скажем, если есть единое, то оно, очевидно, не может быть причастным времени. Ведь быть во времени для единого – значит изменяться, хотя бы становиться старше самого себя, что опять же значит становиться иным (не единым). Следовательно, единое никак – никаким из трех способов – не причастно времени: ни прошлому «было», ни будущему «будет», ни настоящему «есть». Тогда утверждение «единое есть» ложно. Следовательно, если единое есть, то единого нет. Перед нами – сущая свобода диалектики как стихии. Платон не оставляет надежды на существование какой-либо истины, которую не удалось бы

привести к противоречию, или противоречия, которого не удалось бы доказать. Вот ещё один фрагмент из «Парменида»: если единое и иное (не единое) отличны друг от друга, то они тождественны. Ход мысли таков: если имя, обозначающее нечто определённое (вообще нечто), употребляется несколько раз, в разных контекстах, то оно ведь не перестаёт быть тем же самым, именем того же? Далее у Платона идёт замечательное рассуждение – очередная игра диалектики-стихии:

«Парменид. И вот когда мы говорим, что другое есть нечто отличное от единого и единое – нечто отличное от другого, то, дважды сказав “отличное”, мы, тем не менее, обозначаем этим словом не другую какую-либо природу, но всегда ту, названием которой слухит это слово.

Аристотель. Совершенно верно.

Парменид. Итак, в какой мере единое отлично от другого, в такой же мере другое отлично от единого, и, что касается присущего им свойства “быть отличными”, единое будет обладать не иным каким-либо отличием, а тем же самым, каким обладает другое...» (Платон. Парменид. 147e – 148a).

Воспроизведение такого множества парадоксов и «кунштюков» неожиданно выявляет главное условие и даже рецепт их получения – последовательность мышления. Мысль, строго идущая по следу, неизбежно приводит в сферу диалектики, в «дремучий лес», где следы уже теряются, и потому последовательность оказывается наказуемой: она не ведет к выходу. Греческое слово «апория» (от «порос» – путь), или «проблема, неразрешимость которой обусловлена содержащимся в ней противоречием», буквально означает «бездорожье» (ср. соответствующую внешнюю оценку диалектики как плутания и блуждания). Уже для Гегеля было очевидно, что противоречие – не случайная находка, а то, что обнаруживается постоянно, всякий раз, когда рефлексия следует самой себе.

Возможность заблуждения всегда подстерегает как момент «несогласия речи с самой собой». Она, таким образом, «встроена в дискурс» и оказывается неизбежной, если договаривать до конца.

Видеологический анализ двух диалогов Платона как ярчайших образцов «полноты рефлексии» дает картину сквозного прозрения через «предмет речи», или элиминирования «поверхностей-3» к ровному фону.

Траектория прозрения направлена к субстанции, т. е. к подлежащему, к самому последнему слою, к последней непроницаемой «поверхности» – к бытию.

И вот, когда всё иное, контрастное, *выбрано* и через «первую поверхность» больше ничего не видно (остался ровный фон абсолютного подлежащего, чистая субстанция), тогда становится, наконец, видна сама «поверхность-1» – логика (или «речь», по Платону). Она-то в своей видимости и есть ложь (ибо истина, она – в своей невидимости).

Фигуры речи, становясь различимыми (непрозрачными), парализуют способность суждения: ведь за ними нет теперь значения, «сопротивления материала». И получается только видимость суждения, в том смысле, что видна грамматическая структура. Она теперь – пустая оболочка, поскольку исчерпано её предметное содержание. Содержание видится сквозь пустую грамматическую структуру смутным и искаженным именно потому, что нарушено условие субъектного устройства – невидимость «поверхностей-1».²

Итак, срабатывает конструктивная интеллектуальная иллюзия – иллюзия отождествления знака и денотата, но срабатывает впустую в отсутствие контраста бытия и небытия, или, иначе, в условиях неприсутствия лжи. Парменид прекрасно демонстрирует ситуацию:

² «Грамматика делает глупым того, кто много ею занимается» (араб.) – афоризм, помещенный на первой странице «Арабской хрестоматии» В. Ф. Гиргаса и В. Р. Розена (СПб., 1875–1876).

когда ничто не ложно, тогда ничто и не истинно; и это потому, что ложь из скрытости (где положено ей пребывать) визуализируется, является, явствует, становится *явной ложью*.

Итак, визуализация «поверхности-1» разрушает дискурс. Разрушает и нормальную конструкцию субъекта, его трансцендентальное основание. Совершенно чёткая картина подобной визуализации наблюдается при шизофрении, примером чему может служить хотя бы буквальное восприятие метафор и (неизбежная обратная сторона) непонимание их смысла (экранирование «поверхности-3») больными шизофренией.

В повести Куприна «Поединок» есть великолепный по своей точности эпизод, где одним штрихом передано состояние белой горячки, обрисован, так сказать, архетип помешательства. Подпоручик Ромашов в ответ на «прощайте» Назанского говорит: «“Почему – прощайте? Почему не до свидания?” Назанский засмеялся жутким, бессмысленным, неожиданным смехом. “А почему не досвишвеция?” – крикнул он диким голосом сумасшедшего». Конструктивная иллюзия, которая «нормальному человеку» невидима (в данном случае – неслышима), поскольку относится к «поверхности-1», в случае разрушения – визуализируется и задерживает внимание, задерживает сознание, лишая его способности прозрения, а именно про-зрения дальше, сквозь «первую поверхность». В норме структура слова не даётся до его значения и может быть зафиксирована только возвратным, отражённым движением – рефлексивно; но в случае поломки нормального устройства интеллекта луч сознания теряет различие между видами «поверхностей» (а тем самым и чувство реальности, в отличие от чувства нереальности) и сразу же увязает в непрозрачной среде – в видимости, во лжи. Исчезает глубина перспективы; так, «устройство слова» оказывается в том же плане, что и его значение: Дания ассоциируется со Швецией раньше, чем дойдет смысл прощания, смысл слова «до свидания» – досюда разрешающая способность про-зрения уже не доходит. (Весьма характерно историческое тысячелетнее запаздывание первых сведений о грамматике, знания того, что «говоришь прозой», от умения говорить прозой.)

Отнюдь не случайна характеристика безумия как помутнения сознания – помешательства, сдвижки слоев, не пропускающих теперь ясный рассудок. Ясное и замутнённое сознание как раз и различаются между собой невидимостью «поверхности-1» в первом случае и её визуализацией – во втором.

Ведь если разобраться в том, что такое галлюцинация, или «видение», то придется признать, что это – явление («мне было явление, «видение») того, что всегда присутствует, оставаясь в невидимости, того, что в лучшем случае «мерещится», т. е. мерцает как результат дифракции на самой кромке ясного поля сознания.

Скажем, известно, что предметность мира, данная в образе, конструируется сенсомоторным интеллектом за некоторый промежуток времени Δt – квант восприятия. При этом то, что происходит внутри промежутка Δt – траектория построения образа, – до сведения сознания не доводится, не воспринимается.³ В результате этой иллюзии невосприятия мир даётся сразу – сразу как предметный, внеположный и оформленный. При патологии, перцептивных галлюцинациях, промежуток Δt становится частично воспринимаемым, т. е. иллюзия его невосприятия нарушается, и тогда возникает характерная картина «ползающих насекомых», «шевелиющихся портретов» и т. д., происходит некая всеобщая химеризация явленности. Рельефность явления «забывается» тем, что должно быть скрыто. Соответственно, разрешающая способность сознания падает.

Существует ещё множество пластов субъектности, имеющих свои кванты Δt , между которыми происходит скачкообразный переход, эффект прозрения, а всякое застревание в промежуточности и порождает видения, нечто кажущееся – словом, видимость вместо сущности.

³ Веккер Л. М. Психические процессы: В 2 т. Т. 1. Л., 1974.

Следовательно, источник лжи с позиций философии сознания – это потеря рельефа, отождествление планов, исчезновение контраста бытия и небытия.

Глава 1

Природная колыбель лжи

Вопрос о том, существует ли в природе ложь до и помимо человека, так или иначе занимает биологов уже несколько столетий. Правильный ответ может показаться удивительным: в самой природе лжи не существует – ложь существует до и помимо природы. Природа не развёртывает лжи даже в том смысле, в котором она развёртывает инобытие разума: лжи нельзя приписать какое-либо нарастание или убывание (эволюцию), как не имеет эволюционного вектора имитация или взаимная аттракция полов.

Можно было бы сказать, что измерение лжи предзадано живой природе как сила тяжести с той существенной разницей, что пространство, в котором развивается жизнь, лишь толчками соприкасается с квазипространством лжи. И в этом случае ложь всегда выступает как параметр-ограничитель, т. е. жизнь наталкивается на неё и отбрасывается вспять. Но всё же за счет некоторого избытка энтелехии, за счет более плотного заполнения реальности, т. е. более высокого ранга осуществления, жизнь приходит в соприкосновение с трансцендентным полем лжи. Зоны контакта можно опознать как элементарные структуры фальсификации, как провалы целесообразности, заглаживание которых требует значительных ресурсов времени и энергии.

Следовало бы устранить некоторые недоразумения по поводу «приспособительного значения» лжи, для чего хотя бы вкратце рассмотреть явления имитации, мимикрии, паразитизма, считавшиеся со времени Дарвина основными приёмами естественного отбора. Способность многих насекомых к наследственной передаче покровительственной окраски, способность некоторых бабочек (и того же хамелеона) «маскироваться», т. е. менять расцветку в зависимости от фона, очень легко истолковать как бессознательную хитрость, как стратегию обмана, ведущую к успеху. Такая трактовка предзадана телеологической способностью суждения, неустранимым антропоморфизмом, имеющим наикратчайшую связь с состоянием сознания «теперь понятно». А. А. Любищев в применении к биологии назвал подобный способ объяснения псевдотелизмом, подчеркивая его предварительный характер.⁴ Строго говоря, единственный способ выйти из телеологии – дать механизм объяснения, не нуждающийся в телеологии.

Объясняя мимикрию в широком смысле слова, А. А. Любищев писал: «Ещё энтомолог Сэмюэл Скаддер предлагал выяснить в опыте зависимость судьбы насекомого от его расцветки. Он удивлялся, почему гусеница гротескной формы и угрожающей окраски буквально кишит пожирающими её паразитами, тогда как близкий вид гусениц для них несъедобен? Почему отбор растрчивает силы на такие детали, как рисунок гусеницы или взрослой бабочки, а не на борьбу с паразитами, от которых гибнет 99,9 % гусениц? Когда опыт был наконец поставлен, выяснилось, что даже крайний случай наиболее утончённой маскировки гусениц почти ничего им в целом не дает: птицы тратили от 7 до 40 минут на поиск первой гусеницы, но после обнаружения первой гусеницы остальные почти всегда отыскивались очень быстро, за секунды. Если учесть, что сам рисунок гусеницы не может сформироваться путем отбора быстрее, чем за десятки миллионов лет (а за это время много раз изменяется и фон, и вся экологическая обстановка), то ясно, что мимикрия – наивный маскарад, который хищники легко разгадывают».⁵

⁴ Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М., 1990. С. 115–116.

⁵ Любищев А. Л. Проблемы формы систематики и эволюции организмов. М., 1982.

Приспособительный характер мимики, таким образом, явно оказывается под вопросом. И напротив, механизм копирования фона может быть рассмотрен вне явлений адаптации – как аккомодация, т. е. перенос изображения из окружающей среды на поверхность собственного тела, осуществляемый как ряд автономных процессов безотносительно к приспособлению и тем более к «хитрости». Ю. В. Чайковский рассматривает маскировку и мимику как неселективные приспособления. Он пишет: «Проблема в том, чтобы понять механизм маскировки, например, камбалы: каким образом нижняя сторона тела передает информацию для рисунка на верхней его стороне. Это чисто физиологическая проблема (а может быть, даже чисто физическая. – А. С.)... Положенная на разноцветные камешки, камбала постепенно исчезает из виду, это всем известно, но почти никто не видит здесь сходства с бабочкой, исчезающей среди сухих листьев».⁶ Вектор естественного отбора оказывается лишним для постижения мимики. Ещё важнее то, что различные виды совершают один и тот же промах – копируют своей верхней стороной нижнюю сторону листа. Бесспорно, это – приспособление, но воспользоваться им мудро – надо перевернуться. Х. Котт писал, что листотелка лишь иногда висит под ветвью или черенком листа. В остальное время она совсем не маскируется и напоминает лист, который торчит не туда. Ей остается только полагаться на неразборчивость птиц, не замечающих её столь вызывающего поведения. Может быть, враги листотелки нападают снизу, из листвы? Но у неё нет способности оставаться спиной вниз, да и зачем бы это? Если хищник приблизится настолько, что сможет разглядеть листоподобные прожилки, то заведомо увидит торчащие из-под «листа» голову и заднюю часть насекомого.⁷ Зато если представить себе механизм перенесения рисунка из фона на поверхность тела как автономный самодостаточный процесс, то многие неясности сразу же устраняются. Действительно, если вид листа насекомым скопирован, то естественно, что копировалось то, что насекомое «видело» вблизи и снизу, а не то, что может видеть птица издали и сверху.⁸ Скорее всего, мы имеем здесь дело с распределением изначального набора «хороших форм», или «предполагаемых» контуров природы, – лишь в этом случае можно избежать лукавых вопросов: отчего это морозные узоры на стекле «маскируются» под буйную растительность или почему рисунок хвоста известной науке рыбы удивительно напоминает выполненную по-арабски надпись «нет бога кроме Аллаха»?⁹

Следовательно, представление о том, что мимика является бессознательной разновидностью хитрости, т. е. модусом лжи, лишено оснований. Ложь входит в природу иначе. Даже паразитизм трудно интерпретировать как «стратегию обмана».

Во-первых, отношения паразита и хозяина далеко не всегда бывают односторонне выгодными. Так, симбиоз генетически восходит к паразитизму и, собственно говоря, является его частным случаем; ряд клеточных структур (скажем, митохондрии) являются бывшими паразитами клетки, постепенно ставшими её составной частью благодаря переплетению геномов.

Во-вторых, часто бывает трудно определить, кто кем пользуется или кто кого «обманывает»; в известном смысле, всякий зародыш есть «паразит» материнского организма. И всё же вернее всего будет сказать, что явление паразитизма – одна из тех «линий наименьшего сопротивления», по которой проходит разлом, вызываемый контактом с ложью, фальсификацией; здесь обнаруживается как бы наименьшее «сопротивление материала», и великий обманщик именно сюда безошибочно направляет острие своего сверхоружия.

⁶ Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. С. 117–118.

⁷ Котт Х. Приспособительная окраска животных. М., 1950. С. 172. – Здесь же другие оригинальные примеры.

⁸ Там же. С. 118–119.

⁹ Там же.

Со времени исследований Дж. Мэйнарда Смита (J. Maynard Smith) и особенно Р. Л. Триверса (R. L. Trivers) стало ясно, что устойчивая «стратегия обмана» в природе невозможна и следует говорить, скорее, о волнах фальсификации, которые набегают, например, на поведение вида или популяции, вызывая цепь разрушений, а затем спадают.

Вот ход рассуждений Дж. Мэйнарда Смита. В тех популяциях, где самцы конкурируют за обладание самкой, всегда имеется соотношение «ястребов» и «голубей» (примерно 7:5). «Ястребы» вступают в сражение за самку, «голуби» не вступают. Плюсом «ястребиности» является более вероятный доступ к самке, минусами являются возможный ущерб, полученный в схватке, и потеря времени. Плюс «голубиности» состоит в отсутствии этих минусов. В итоге гены «голубиности» и «ястребиности» воспроизводятся в соответствующей пропорции. Но вот в популяции возникает новый тип поведения – тип «задиры» («bully»). «Задира» принимает угрожающую позу, демонстрируя готовность к схватке, а дальше его поведение меняется в зависимости от того, кто оказывается перед ним: если «голубь» – «задира» имитирует атаку и обретает доступ к самке, если «ястреб» – задира отступает без поединка. Поначалу ген «задиристости» получает огромное преимущество: с одной стороны, обеспечивается приоритет в приобретении самки по сравнению с любым «голубем», с другой – отсутствие ранений и потери времени на схватку. Ген «задиристости» начинает стремительно распространяться в геном пуле популяции. И всё идёт хорошо, пока «ястребы» и «голуби» преобладают. Но «задир» становится всё больше и больше – и тут ситуация меняется. Представим себе встречу двух «задир»: приняв первоначально угрожающую позу, они, однако, отскакивают, реагируя на «ястреба», но тут же включается реакция на «голубя» (раз соперник убегает) – и всё повторяется сначала. Ситуация заикликивается – совокупные потери времени в популяции резко возрастают: притом сразу увеличивается стрессовая нагрузка и на стабильные адаптационные типы поведения – на «голубей» и «ястребов». Вся популяция теряет в жизнеспособности и численно сокращается до тех пор, пока роковой ген не вымывается из пула путём естественного отбора.¹⁰

Эта упрощённая теоретическая модель демонстрирует типичные последствия фальсификации в природе, когда попадание одного лишь кванта лжи в восходящую струю жизни производит опустошения, сравнимые с катаклизмами вроде извержений вулкана и наводнений.

Р. Докинз указывает целый ряд примеров проявления «стратегии обмана», в частности возникающую время от времени «битву полов» в перекладывании на партнера заботы о потомстве, имеющую целью передать свой генный набор по наследственной эстафете с минимальными ресурсными затратами (прежде всего времени) и максимальным фронтом воспроизводства генома. Всякое временное преимущество, достигнутое в такой борьбе, неизменно оборачивается упадком жизнеспособности вида. Поэтому нет никаких оснований считать «стратегию обмана» типом приспособительного поведения; но целый ряд приспособлений, защитных механизмов, напротив, может быть истолкован как «противообманное устройства», т. е. как результат адаптации к стихийным вспышкам фальсификации, сотрясающим порой живую природу. Так, Р. Докинз пишет: «Триверс рассматривает возможные варианты поведения самки, брошенной “своим” самцом. Для неё проще всего попытаться обмануть другого самца так, чтобы он принял детёныша за своего собственного. Это не столь трудно, если речь идёт о не родившемся ещё зародыше. Ясно, что детёныш в этом случае несёт половину генома от матери и ни одного гена от своего «легковерного отца». Естественный отбор жестоко наказывает подобную мужскую легковерность и, соответственно, поощряет самцов, стремящихся избавиться от побочных детёнышей. Вероятно, здесь содержится объяснение так называемого эффекта Брюс: мыши-самцы выделяют специальный

¹⁰ Maynard Smith J. The Theory of Evolution. Harvard, 1975. P. 95–96.

секрет, который, воздействуя на обоняние беременной самки, вызывает у неё аборт. Причем лишь в том случае, если запах отличается от запаха предыдущего самца. Таким образом, самец-мышь избавляется от «побочных детей» и готовит самку к переносу собственных генов в предполагаемое потомство». ¹¹ В разной степени данный «эффект» проявляется у многих млекопитающих, не исключая человека: на самых ранних стадиях беременности «смена партнёра» зачастую приводит к абортивной реакции (чем, в частности, объясняется чрезвычайно редкая беременность у проституток): то есть в этом случае мы как раз имеем дело с простейшим «противообманным устройством».

Рассмотрим, наконец, гнездовой паразитизм, представляющий собой несомненную «стратегию обмана», реализацию одного из модусов лжи, а именно – подлога. Ближайшей и самой известной «обманщицей» является кукушка. Что же она, так сказать, с этого имеет? Вот что пишет Ю. В. Чайковский: «Всем известно, что обыкновенная кукушка – гнездовой паразит, т. е. откладывает яйца в чужие гнезда. Поскольку она – одна из самых обычных птиц, её отличительные черты принято считать полезными, т. е. результатом приспособления. Но к чему она приспособилась? По сравнению с обычными птицами её существование выглядит резким дискомфортом: кукушонок в чужом гнезде до предела напрягает силы, выбрасывая хозяйских птенцов, отчего нередко сам гибнет, кукушка вынуждена откладывать в 2–3 раза больше яиц, чем другие – и это несмотря на то, что она имеет неограниченный пищевой ресурс (волосатые гусеницы, которых избегает большинство птиц). Разумеется, это возможно только в силу большой экологической прочности данного вида – кукушка неприхотлива к пище и к климату, не имеет серьезных врагов и селится всюду». ¹²

Как видим, «преимущества», извлекаемые кукушкой из своей «стратегии», более чем сомнительны. Зато неожиданно интересные результаты обнаружились в эксперименте, проведённом Альваресом, Армасом де Рейном и Сегуром. Они подсадили птенца ласточки в гнездо сороки, где уже находилась кладка яиц. Яйца оказались выброшенными из гнезда. Птенец ласточки, подобно кукушонку, выталкивал из гнезда яйцо за яйцом! Р. Докинз по этому поводу замечает: «Может ли такое поведение представлять собой антикукушечную адаптацию? Благоприятствовал ли естественный отбор сохранению гена в генетическом пуле ласточки, вызывающего борьбу с кукушкой её же оружием? Установлено, во всяком случае, что кукушка не подбрасывает свои яйца ласточкам». ¹³

По сути дела, экспериментаторам удалось обнаружить ещё одно «противообманный механизм» – факт огромной важности. Кукушка подкладывает своё яйцо в уже наличную кладку яиц. Единственный способ избежать обмана – вылупившиеся первыми птенцы должны вытолкнуть яйцо из гнезда... Этот инстинкт оказался настолько важен, что продолжает сохраняться у видов, которые последнюю сотню тысяч поколений никто не эксплуатирует. Неслучайно, гнездовой паразитизм кукушки носит весьма избирательный характер. Возможно, когда-то волна фальсификации прокатилась через отряд пернатых, вызвав катаклизм, угроза повторения которого и сегодня является слишком страшной.

Далеко не все виды птиц пережили вспышку лжи, и вполне вероятно, что первыми вымерли обманщики (ведь уже нет того вида, против которого был направлен инстинкт птенца той же ласточки). Да и сама кукушка, как видим, продолжает существовать благодаря первоначальному запасу экологической прочности. А. С. Мальчевский убедительно доказывает, что «подлог» требует больше усилий и затрат, чем постройка собственного гнезда и

¹¹ Dawkins R. The Selfish Gene. London, 1978. P. 158–159.

¹² Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. С. 121.

¹³ Dawkins R. The Selfish Gene. P. 144.

высживание птенцов, и резюмирует: «Однако природа распорядилась так, что другого пути у кукушки уже нет».¹⁴

Итог таков: в природе не существует ни одного субъекта лжи, есть только лишь её агенты – носители процессов фальсификации, как бы передаточные звенья. И «обманщики», и «обманутые» суть в равной мере жертвы спорадических контактов биосферы с квазипространством лжи. В живой природе можно обнаружить адаптацию к каждому из этих контактов в виде некоторых «противообманных устройств», выявление и классификация которых ещё предстоит биологии. (Ясно, что подлинная «история видов» возможна лишь с учётом этого параметра, едва ли не решающего для объяснения, например, вымирания.) Но в природе нет ни одного примера овладения фальсификацией – «для этого надо, однако, родиться людьми» (Ю. Мориц)...

Человек – первый и единственный пока субъект, сумевший обжить, обуздать квазипространство лжи и сделать его измерения измерениями собственного сознания. Родовые признаки сознания «сапиенного» типа – способность генерировать ложь и *неразрушаемость ложью*. Мы уже видели, какие катастрофы в природе производят вспышки стихийной фальсификации. Нетрудно представить, какие возможности в этом отношении таит в себе стабильный источник лжи, её постоянный генератор «В чистом виде» действие сверхоружия можно продемонстрировать на примере экспериментальных неврозов, остающихся объектом изучения физиологии с начала XX в.

У животного с помощью подкрепления вырабатывается реакция ожидания на условный раздражитель – допустим, на звук метронома с частотой два удара в секунду. А с помощью разряда электрического тока у него вырабатывается реакция избегания на другой условный раздражитель – звук метронома, допустим, с частотой десять ударов в секунду. Затем экспериментатор начинает постепенно сближать частоты – и животное в итоге впадает с сильнейший стресс, получивший название экспериментального невроза (можно использовать и световые сигналы, и вообще любой раздражитель, поддающийся дифференцировке).¹⁵ Фундаментальное значение этого факта осознано пока немногими. Но вот что пишет, например, Б. Ф. Поршнев: «Открытие экспериментальных неврозов представляется мне вершиной достижений павловской физиологической школы и самым неоспоримым доказательством её истинности – проникновением в глубокие механизмы работы мозга. Ведь это уже не просто метод наблюдения фактов, их экспериментального воспроизведения или измерения их хода хирургическим или химическим вмешательством, это возможность сломать мозговой барьер без малейшего прикосновения к нему. Экспериментатор лишь предъявляет животному безобидные сигналы вроде звукового сигнала метронома, вспыхивания электрической лампочки и т. д., но располагает их в таком порядке, что животное неизбежно «сойдёт с ума», дав явные проявления этого в своём внешнем поведении. Это подлинная власть над природными процессами!»¹⁶ Пафос учёного вполне оправдан, ибо и в самом деле трудно найти более яркий символ могущества человека, владеющего супероружием: на одном конце цепи пытливый экспериментатор, плавно и задумчиво смещающий рукоятку, а на другом конце цепи – корчащаяся в муках безумия природа. Что там когти, клыки или какая-нибудь вивисекция перед этим самым гуманным (точнее, самым гуманоидным) оружием, перед первой производной самой способности солгать! Никакие «противообманные устройства» не выдержат и сотой доли такой нагрузки! Уже палеоантроп начал своё победное восхождение к разуму (пробивание нехитрой защиты) с имитации позывных «Я свой», которая позволила вклиниться в пищевую цепь хищников, а также с продуцирования сигнала «тревога», сло-

¹⁴ Мальчевский А. С. Кукушка и её воспитатели. М., 1987. С. 252.

¹⁵ Шовен Р. Поведение животных. М., 1972.

¹⁶ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 208.

вом, с размыкания контура первосигнальной коммуникации, в пустоту, точнее, в квазипространство лжи. Именно в этом пространстве поставлены первые опоры разума – его фундамент. Ход антропогенеза ещё далеко не ясен. По сей день самым глубоким его исследованием остается книга Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории». Поршневу принадлежит множество открытий, которые здесь не место перечислять, но которые тем более важны для рассмотрения «колыбели лжи», что их автор исходил совсем из других предпосылок.

В данном контексте интересны такие вопросы: каким же образом человеку удалось избежать расплаты, почему фальсификатора не накрыло возвратной волной, почему не сработали реактивные силы возмездия? Иначе говоря, как ему удалось избежать судьбы других «невольных» обманщиков?

Можно предположить, что, как у кукушки, у человека была прочная «стартовая площадка», т. е. экологическая ниша, которая смогла выдержать расшатывание, вызываемое «стратегией обмана». Такая прочная, даже сверхпрочная экологическая ниша действительно была у палеоантропа, вступившего в антропогенез. Речь идёт о некрофагии – поедании падали. Минимальное количество конкурентов в пищевой цепи (гиена и шакал), сравнительное изобилие пищи в эпоху махайродов и саблезубых тигров создавали на «стартовой площадке» максимально благоприятные условия для слома первосигнальной регуляции без немедленного наказания со стороны естественного отбора. Не претендуя на фактическую реставрацию антропогенеза, даже в самых общих чертах, наметим только этапы, связанные с управлением «стратегией обмана» – делом крайне рискованным и требующим очень своеобразной и строгой техники безопасности укрытия лжи и укрытия от лжи. Ведь неразрушаемость человека продуцируемой им ложью, способность воспроизводить всё многообразие её модусов – уже итог этого пути, которому предшествовало множество трагических коллизий. Чего стоит полное исчезновение промежуточных звеньев, заставляющее предположить смертельную борьбу более «продвинутых» фальсификаторов с пытающимися удержаться «консервативными» обманщиками! Оружие может совершенствоваться, лишь пробивая всё более эффективную защиту; ясно, что вопрос о дивергенции палеоантропов и неоантропов приобретает здесь решающее значение.

Антропологи давно уже обратили внимание на феноменальную «необъяснимую» скорость расселения предков человека по планете. Вот что пишет тот же Б. Ф. Поршнев: «Эта дисперсия человечества по материкам и архипелагам земного шара, если сравнить её с темпами расселения любого другого биологического вида, по своей стремительности может быть уподоблена взрыву. За эти полтора-два десятка тысячелетий кроманьонцы преодолели такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один вид животных вообще никогда не мог преодолеть.

Нельзя свести это расселение людей по планете к тому, что им недоставало кормовой базы на прежних местах: ведь другие виды животных остались и питаются на своих древних ареалах вплоть до наших дней – корма хватает. Нельзя сказать, что люди расселялись из худших географических условий в лучшие – факты показывают, что имело место и противоположное. Им не стало «тесно» в хозяйственном смысле, ибо общая их численность была тогда невелика.

Но им стало, несомненно, тесно в смысле трудности сосуществования с себе подобными. Старались ли они отселиться в особенности от палеоантропов, которые биологически утилизировали их в свою пользу, опираясь на мощный и неодолимый нейрофизиологический аппарат интердикции? Или они бежали от соседства с теми популяциями неоантропов, которые сами не боролись с указанным фактором, но уже развили в себе более высокий нейрофизиологический аппарат суггестии, перекладывающий тяготы на часть своей или окрестной популяции?... Судя по тому, что расселение ранних неоантропов происходило в особенности по водным путям – не только по великим рекам, но и по океанским течениям,

на бревнах, – люди искали отрыва сразу на большие дистанции, передвигаясь при этом или одиночками, или небольшими группами».¹⁷

Можно и не задавать риторический вопрос: что же явилось причиной панического разбегания через горы, болота, через моря и океаны на бревнах... куда угодно, хоть на край земли, лишь бы подальше от себе подобных? Земля не имеет краев, и спастись от трудностей сосуществования можно было лишь «ложью ложь поправ» (вспомним вывод Мальчевского о кукушке: природа распорядилась так, и другого пути у птицы уже нет). Б. Ф. Поршнев рассматривает попытки «спасения непониманием» – эхολалию, персеверацию, тенденцию к многоязычию – как возможную защиту от неодолимого внушения (ср. у Брюсова: «Чем дальше в глубь веков, тем больше языков»). Можно по-разному относиться к кропотливо реконструируемой в трудах Поршнева цепочке «вызовов» и «ответов»: «интердикция – суггестия – контрсуггестия – контр-контрсуггестия (убеждение)», – важно, однако, то, что обретение разумности в самом филогенезе, безусловно, было чередованием «хитросплетений и контрхитросплетений», размножением модусов лжи и трудной нейтрализацией каждого из них соответствующей техникой безопасности укрытия лжи; требующиеся здесь колоссальные энерго- и ресурсозатраты многократно превосходили давление естественного отбора.

Плата за обладание «обоюдоострым», т. е. имеющим абсолютную проницаемость, оружием оказалась весьма велика. Если «отнять» у человека сознание, то получится даже не животное, а нечто, лишённое самой минимальной жизнеспособности. Ведь у человека разрушен практически весь аппарат первосигнального целесообразного поведения – у него, единственного из всех животных, отсутствует даже энергетически оптимальная поза отдыха (правильно отдыхать приходится вновь учиться), у его организма смехотворно низкий КПД физических возможностей (лучший спортсмен использует мускулатуру не более чем на 40 %),¹⁸ у него разрушены схемы двигательной координации... Кстати, процессы дискоординации можно наблюдать воочию – они щедро сопровождают продуктивное мышление. Мысль окутана целым облаком паразитарных движений, которые отщепляются порциями, когда интеллект в работе, – всевозможные «потирания рук», «чесания в затылке», вскакивания, похаживания, подпрыгивания и другие двигательные «монстры», несть им числа.

Всякий, кто интимно знаком с процессом творческой мысли, наверняка усмехнется, глядя на Роденовского «Мыслителя» – весьма сомнительным кажется вообще наличие у него умственных способностей. Куда достовернее Пушкин, подпрыгивающий у стола и восклицаящий: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Или А. Тарковский, который пишет:

...Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово...

(Напомним, что речь идёт не о медитации как специально культивируемом состоянии, не о каком-либо гигиеническом упражнении для интеллекта, а о продуктивном мышлении, о нормальной работе сознания – о том, о чём С. Аверинцев говорил: «Превыше всего я ставлю человеческий разум, решающий конкретную задачу».¹⁹)

Глубочайшие нарушения обнаруживаются у человека и в системе его сигнализации, в частности – болевой сигнализации. Смещённость и искажение «болевого отражения» человеком внешнего мира давно вышли за пределы допусков естественного отбора. Возьмём такой характерный факт: множество вредных, разрушительных для организма процессов –

¹⁷ Там же. С. 377–378.

¹⁸ Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. М., 1990.

¹⁹ Аверинцев С. С. Попытки объясниться. М., 1988. С. 13.

курение, переедание, гиподинамия и др. – не предваряются и не сопровождаются болевой сигнализацией; имеется, во всяком случае, очень большой лаг, в пределах которого процессы саморазрушения не встречают болевой коррекции. Сознанию в первую очередь потребовался доступ к болевой палитре – поэтому здесь вытеснение было особенно сильным и бескомпромиссным. Многие состояния сознания надо «непосредственно переживать» – досадовать, огорчаться, печалиться, страдать и т. п., – и для этого доступ к болевой палитре должен быть свободен, а её «естественная сигнализация» предварительно фальсифицирована и стерта. Отдельные компоненты болевой регуляции после разрушения целого могут быть даже эстетизированы (сладострастие, мазохизм)...

Здание разума воздвигнуто буквально на руинах, на развалинах системы целесообразно-естественного поведения, после предварительного проведения «взрывных работ». Множество поведенческих стереотипов, прежде контролируемых инстинктами (у животных), теперь требуют нового освоения, «разучивания по нотам».

Заметим, что производимые разрушения и опустошения в процессе обретения сознания вовсе не диктуются требованиями «всякого возможного разума» – они лишь *raison d'être*²⁰ этого сознания, уникального устройства, реагирующего на ответ, на рефлексию. Из структур рефлексии только незначительная часть представляет собой подобию, «двойники» состояний внешнего мира, большинство же структур рефлексии является (и должно являться) химерами. «Порядок мысли не предписывается событиями, – утверждает А. Валлон. – Вымысел – это необходимый шаг мысли, как только она начинает стремиться к очищению от необработанного восприятия. Обратной стороной игры у ребенка является постоянное желание вымысла. Если ребенок воображает кусок бумаги вкусным блюдом, расстояние между двумя объектами представляет собой стимул его удовольствия – игрушки, которым он оказывает предпочтение, часто наиболее бесформенны – те, в которых условия реальности перестают преобладать. Внутренняя модель одерживает верх над данными органами чувств».²¹

Мысль человека должна обладать свободой в упорядочении своей эмпирии; естественный ход вещей для неё – некая ловушка, в которую нельзя попадать слишком рано, до обретения и необратимого освоения способности солгать, до формирования идеологической структуры «этого сознания».

Как заметил однажды Г. Спенсер, «человечество может пойти прямо, лишь исчерпав все обходные пути», на которых оно подвергалось осмыслению, надо полагать, всякую видимость, провоцирующую сознание к осуществлению себя. Потому понятие осуществления является столь неоднозначным – это и отыскание сущности за видимостью (через неё), и проецирование видимости в сферу сущего, и последующее укоренение её там, т. е. осуществление видимости; размещение того, что лишено действительного места; некая топографическая привязка миража, возможная благодаря, с одной стороны, могучему напору осуществления («энергии заблуждения», о которой говорил В. Б. Шкловский) и, с другой стороны, податливости причинно-следственного универсума (природы) усилию фальсификации (если только оно хорошо рассчитано и концентрировано – как заповедь, сверхзадача или социальный заказ). Ведь реальность узнается не как ближайшее содержание или источник мысли, а по максимальному сопротивлению усилию представления или постижения; отсутствие такого сопротивления как раз и создает ощущение нереальности («как во сне» или «как в бреду»). Предмет неподатлив – вот его отличительная черта, он – *против*. Изнутри мысли это единственное встроенное различие действительного и иллю-

²⁰ Смысл существования (фр.)

²¹ Валлон А. От действия к мысли. М., 1956. С. 170.

зорного (химерного) – противодействующего (Gegenstand) в отличие от сопутствующего (Nebenstand).²²

Из всех модусов лжи чистое рефлексивное воспроизводство «сущего как такового» требует наибольших затрат. Этот предельно вырожденный модус лжи обычно и называют истиной. Ввиду крайней удалённости от первоисточника этого сознания он требует мощных усилителей, постоянного «взнуздания» и напоминания о себе; поэтому «требование истины» должно быть предзадано в самой императивной форме, в форме долженствования. Требование «истинности» звучит как непрерывный массовый речитатив, почти как заклинание. Создается впечатление, что стоит ослабнуть этому хоровому требованию – и для удержания строгого рефлексивного «соответствия действительности» не останется других стимулов... Всякая культура щедро насыщена абсурдом – без определённого процента абсурда она просто не могла бы существовать как нечто самостоятельное вне природы, как реальность более высокого ранга. Нужна определенная глубина фальсификации для стартовых условий конденсации разумности этого сознания.

И то, что мы находим в «предыстории», – всеобщая распространенность человеческих жертвоприношений, ритуальный каннибализм, «добровольный и повсеместный автотравматизм», как изящно выразился М. Фуко, – суть необходимые «выбросы» реактора фальсификации. Так, обряд инициации, который перестал быть всеобщим лишь с появлением первых цивилизаций, в самых мягких формах предполагал прижигания, татуировки, фелляцию, выбивание передних зубов, а обычно – избирательное калечение и убийство самых стойких юношей.²³ Лишь отчасти «выбросы» реактора фальсификации устраняются запаздывающими правилами техники безопасности укрытия лжи (но ведь и выходная мощность реактора всё время растёт). Понятно, что избежать утечки лжи, этой сверхтекучей субстанции (или псевдосубстанции), есть задача труднейшая. Это оружие не удастся держать всегда только острием «от себя»; и невозможно подсчитать, сколько культур погибло от перенасыщения абсурдом, от самоотравления ложью – «поддавшись Танатосу», как сказал бы Фрейд.

Чтобы экспериментатор мог оставаться спокойным и невредимым, повергая в ужас всё живое простым перемещением рукоятки реактора фальсификации, надо чтобы фальсификация не производила разрушений и по эту сторону пульта. Следовало пройти весь путь филогенеза, чтобы освоить правила техники безопасности легитимации лжи, придания ей видимости истины, ограждения плацдармов-заповедников, недоступных для лжи и, наоборот, полигонов для совершенствования оружия (искусство) и т. п. – словом, правила «врожденной», обретаемой вместе с речью, вместе с социализацией видеологической перспективы сознания. Не только филогенез, но и онтогенез дает яркие примеры, когда не-разрушаемость ложью ещё не выполняется, не достигнута, т. е. тот или иной модус лжи ещё не освоен.

В фильме Э. Сколы «Семья» есть примечательный эпизод. Взрослый дядя от нечего делать затевает странную игру с мальчиком трёх лет. «А где наш Джованни? Куда девался наш малыш?» – вдруг вопрошает он и принимается ходить по комнате, оглядываясь по сторонам. «Вот я!» – радостно кричит Джованни. Но дядя не обращает на него внимания и продолжает поиски. Джованни начинает быстро бегать за ним, стараясь забежать вперёд и заглянуть ему в лицо, всё время повторяя: «Да вот я, дядя, вот же я! Вот здесь!» В его голосе появляется тревога. Однако взрослый упорно ищет, отворачиваясь и «не видя», заглядывает под стол, под кровать. Он спрашивает даже у присутствующих взрослых: «Вы не видели нашего мальчика? Где он может быть?» А взрослые, отрицательно качая головами, отвечают: «Не знаю... Не знаю... Не знаю...» Мальчик буквально вцепился в штанину шут-

²² Эта оппозиция особенно важна для поздних работ Хайдеггера. См., например, «Вопрос о технике» и «Поворот» в: Хайдеггер М. *Время и бытие*. М. 1993.

²³ Пропт В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986.

ника и непрерывно повторяет: «Вот я, вот я, вот Джованни!» Наконец шутник спрашивает у мамы: «Ты не видела Джованни?» И мама пожимает плечами: «Нет!» Вот тут малышка охватывает ужас. Он пронзительно кричит: «Мама! Это я, мама!» Далее начинается истерика, безутешные рыдания, уже знакомый нам экспериментальный невроз в человеческом исполнении. Взрослые долго не могут успокоить мальчика.

Так, как «сыграл эту сцену» ребенок, не удастся сыграть ни одному взрослому артисту, но лишь потому, что малышу и не надо было ничего играть – игра-подстрекательство, затеянная с ним дядей, представляет собой абсолютно точно рассчитанный приём (то же сближение частоты колебания маятника), который у детей в пределе приблизительно от 1,5 до 3,5 лет безотказно провоцирует «экспериментальный невроз».

Такой тип ловушек можно назвать ловушками зоны патологической невидимости. Пока Я не упрочено в своей полной достоверности, пока не окрепнет его сложная видеологическая структура, оно поддерживается (и выстраивается) тем, что видимо другими, и прежде всего «близкими другими». Уже шестилетний ребенок не попадет в ловушку зоны патологической невидимости (хотя может попасть в другие ловушки), поскольку овладел элементарными структурами лжи. Он воспримет такие поиски себя именно как игру, как шутку. Но лишь потому, что уверен – на самом деле его зримость гарантирована. Ибо даже взрослый, если в нем не видят «дорогое и единственное Я», говоря словами Бахтина, а видят все время только некую функцию – «покупателя, клиента, последнего в очереди» и т. д., – может попасть в ситуацию Джованни и тоже закричит: «Мама!» – или, скажем: «Вот же я, Господи! Ты видишь меня?»

Существует своя топография и хронология зон патологической невидимости, о которой психология, исследующая всё вплоть до корреляции расовой толерантности с приростом IQ, предпочитает не говорить ни слова. Может, потому, что это пока запрещено правилами техники безопасности для Л-сознания.

Во всяком случае, принципиально важны для понимания онтогенеза сознания специфически детские опыты обращения с ложью – прежде всего первая явная ложь. Понимание того, что можно солгать – всегда открытие, которое сопровождается детски наивной верой в невидимость лжи, настойчивыми попытками отпора «принудительной визуализации» и, наконец, воистину гамлетовским вопросом: «Откуда взрослые узнают, что я вру?» Ребенок и не догадывается, что, для того чтобы укрывать ложь в невидимости, т. е. там, где ей и положено быть, требуется вся мощь интеллекта и что обучение этому искусству есть не что иное, как траектория становления сознания. Очень интересна в этом отношении книга «Разделённое Я» (The Divided Self) американского психиатра Р. Лэйнга, который, докапываясь до сущности шизофрении, пересматривает традиционную нозологическую характеристику dementia praecox – «лживость», переформулируя её как «неумение справиться с ложью».²⁴

Это прежде всего взаимоотрицание состояний Я, которые в норме не разрушают друг друга, а просто сменяются, то пребывая в невидимости, то визуализируясь (ср. у Р. Музиля: «Нормальный человек отличается от безумца тем, что страдает всеми маниями сразу»), а в психической аномалии перестают вдруг чередоваться, становятся неуправляемыми. Всякая попытка шизофреника солгать оказывается несостоятельной, все его роли или версии неуклюжи и примитивны. Мало ли кто считает себя Наполеоном, Мессией или неотразимым красавцем – всё это не такая уж аномалия! Правда, человек без видимых психических отклонений, решивший – с кого «сделать жизнь», не станет подавать виду, что подгоняет себя под избранный идеал, а будет заниматься трудной работой сознания, т. е. соблюдать его видеологическую раскладку. Без этого коммуникация «субъект – субъект» невозможна (а значит, невозможен и сам субъект).

²⁴ Laing R. D. The Divided Self. London, 1977. P. 160–178.

Тем, что в юридических актах несовершеннолетние и умалишенные приравнены друг другу, выражается лишь простой факт равного несоответствия их сознания требованиям техники безопасности при обращении с ложью.

Все ещё остаются неисследованными онтогенетические этапы освоения квазипространства лжи, наслоения видимых и невидимых «поверхностей». Например, *такт* – один из высоких модусов лжи. Есть принципиальный стадийный рубеж между ребенком, который ещё может заявить гостю: «Мама говорит, что вы так много едите, что на вас не нападёшь», и ребенком, который так уже не скажет. Преодоление этого рубежа в определённом смысле важнее, чем усвоение обратимости рефлексивных операций (способность, зафиксированная Пиаже), ибо оно относится не к инструментарию, не к технике, а к топике сознания и поэтому носит универсальный для всех культур характер. В период освоения высоких модусов лжи – такта, деликатности, вежливости, чуткости – изменяется родительская тактика. На смену первоначальной дидактической формуле «нельзя говорить ложь» приходит более продвинутая формула «нельзя говорить то, чего нельзя говорить». Традиционная педагогика, не используя видеологического метаязыка, с помощью набора эмпирических примеров так или иначе задает видеологическую раскладку: что следует иметь в невидимости, что нужно иметь в виду, а что – на виду (т. е. какой «делать вид»). Настоящая культурность предполагает владение всем спектром модусов лжи. Она несовместима с явной ложью – вообще все низкие модусы полностью экранированы. Поэтому, между прочим, «светский» человек узнается по способности владеть собой, по умению блокировать утечку лжи. Запас сверхнормативной невидимости позволит ему сгладить («не заметить») возникшую неловкость, не задать нескромный вопрос, который может спровоцировать ложь низкого модуса или «голую правду» (и то, и другое разрушительно для коммуникации). О. Уайльд справедливо считал, что «самое трудное искусство – быть естественным». Точно так же самое трудное искусство, или самая сложная техника, для «так устроенного сознания» – это техника воздержания от лжи, правдивость. Выше её в этическом измерении – только праведность, или искусство никогда не говорить (не продуцировать) ложь. Но, по существу, сверхвысокие модусы праведности могут быть реализованы лишь при условии подыгрывания или в особо маркированном социальном пространстве, где исключена «ложь во спасение», утешение и т. д. Например, это господствующая утопия для правосудия, и не случайно эпитет «праведный» чаще всего сочетается со словом «судия». Наконец, принципиальная неспособность солгать находится вообще за пределами нормальной психики или человеческого разума как нечто абсолютно трансцендентное.

Таким образом, пристройка невидимого этажа к «Дому Бытия», успешное обживание «зоны миражей» стоили человеку, как видим, многих жертв. Разрушения, произведённые возвратными волнами фальсификации, следует считать платой за созидание или, точнее, за пересоздание мира. Причем нет никаких оснований полагать, что самая страшная жертва уже принесена, ибо в расширяющемся фронте фальсификации техника безопасности по-прежнему находится в небрежении – она не успевает откладываться в видеологической культуре сознания, в соотношении видимого и невидимого.

Экспериментатор, заставляющий содрогнуться природу и вводящий в вибрацию всё более плотные слои сущего, ставит эксперимент и над собой. Пока защита экспериментатора выдерживает и его неразрушаемость ложью срабатывает, сохраняя ему разумность и умножая могущество. Но возникает ещё один, космологический аспект проблемы, не замечаемый пока ни прогностикой программы СЕТИ, ни современной фантастикой. Аспект, между прочим, точно угаданный Достоевским в рассказе «Сон смешного человека». Главный герой этого фантастического рассказа засыпает, и ему снится странный сон: будто светлый ангел перенес его через звездные дали и космические пространства в идеальный мир, где «не было скверны». Там жили точно такие же люди, на такой же Земле, но жили счастливо и пра-

ведно: они не знали ни зависти, ни преступлений, ни... короче говоря, в нашем контексте – ни одного из модусов лжи, т. е. неспособны были солгать. Герой восхищается счастливыми обитателями, тем более что его сразу принимают, он погружается в эту жизнь, но скоро... приводит её к разладу – к войнам, преступлениям, к алчности и зависти, – причем ничего не делая «специально», просто живя «по-человечески». Одного этого оказалось достаточным для подрыва всего фундамента безгрешности. «Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться – не знаю... Знаю только, что причиной грехопадения был я. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собою всю эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства... может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им».

Фантастический рассказ Достоевского написан с поразительной силой и звучит как пророчество. Действительно, внесение одного лишь атома, а точнее, кванта лжи, ещё точнее, некоей критической массы, способно запустить цепную реакцию фальсификации, не оставляющую камня на камне от грандиозных построек девственно-невинного разума. Важна и другая деталь. Всякий факт *этого сознания*, всякий эпифеномен разумности, – «кокетство» и даже «просто шутка», – является полновесной модуляцией изначальной способности ко лжи и несет в себе всю полноту разрушительных последствий. Любая двусмысленность, проникая через барьер иноразумности, дезорганизует его имманентную работу. А человечество изощренно создаёт культ двусмысленностей, находя в нём усладу и остроту. Остроумие – вот проба «холодного оружия» лжи, высокоценяемая провокация по отсеиванию аутсайдеров, если угодно – непрерывная закалка неразрушимости сознания его собственными квазипродуктами. Роль универсального смехового начала, о котором писал Бахтин, состоит, может быть, ещё и в том, что смех действительно колеблет основания, на которых разум утверждает всякое нечто, но тем самым проверяется «глубина самозащиты» – все рухнувшие под напором осмеяния постройки достойны такой участи. Надо, значит, строить прочнее. Смех легко прорывается и за границы безопасности – в те зоны, где сознанию предписано воздерживаться от полноты модуляции лжи: смеются ведь и над инвалидами, и над детьми, и над «всем святым». В таких случаях разрушения могут быть слишком велики – но всё же не запредельны для «этого разума». А вот для иных мыслимых типов разумности подобные провоцирующие структуры вызывают не смех, как нечто безобидное и даже обновляющее, а детонацию оснований, приводящую к гибели (быть может, то, что Христос никогда не смеялся, как раз и служит лучшим доказательством его неземной, небесной природы...).

Так что надо признать, что результат контакта, описанный Достоевским, – самый мягкий из всех возможных. Выход из богоподражательного модуса, из состояния безгрешности и стремительное уподобление провоцирующему агенту, воспроизведение его результатов, т. е. перерождение по образу и подобию «генератора химер и миражей», по своей маловероятности приближается к чуду. Куда более вероятны агонизирующее самовыражение и аннигиляция. Ведь даже контакты европейцев с аборигенным населением Америки и Сибири, разница между которыми была лишь в модусах лжи, т. е. в уровне техники безопасности укрытия лжи, привела к достаточно разрушительным последствиям – по подсчётам учёных, только от спровоцированного европейцами алкоголизма вымерли десятки народов, у которых овладение оружием лжи оставалось как бы на детском уровне модуса, и столько же находятся на грани вымирания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.